

Трансформация правового статуса ОБСЕ (II)

*Аннэ Петерс**, *Матеея Штайнбрюк Платизэ***

**Аннэ Петерс* – доктор права, профессор, директор Гейдельбергского Института Макса Планка иностранного публичного и международного права.

Матеея Штайнбрюк Платизэ – доктор права, научный сотрудник данного Института.

Продолжение, начало см. в «Дайджест публичного права», Институт Макса Планка, Выпуск 9 2020, с. 92 и далее.

"*Дайджест публичного права*" Гейдельбергского Института Макса Планка выражает благодарность авторам за разрешение перевести и опубликовать данный материал. Оригинал см. **Mateja Steinbrück Platise, Anne Peters, *Transformation of the OSCE Legal Status***, в: MPIL Research Paper Series No. 2018-23.

Содержание:

(...)

2.3 Новые интересы управляемых?	112
3. Тенденции политизации и регулирования деятельности неформальных субъектов глобального управления	116
3.1 Миф об аполитичной организации	116
3.2 Право под натиском	121
3.3 Заключение: от эффективности к легитимности и обратно	124
4. Библиография	130

2.3 Новые интересы управляемых?

В пиковый период правового позитивизма XIX века, когда была заложена почва для современного международного права, государства стали единственными субъектами международного права и обладателями международной правосубъектности. Только после Второй мировой войны другие субъекты (вновь) оказались в сфере международного права и были признаны имеющими право на международную правосубъектность; это были, прежде всего, международные организации и в последнее время также индивиды.³⁹ Эти тенденции развития ознаменовали переход международного права от системы межгосударственного сотрудничества к системе «глобального управления», в которой права и обязанности по международному праву признаются не только за государствами, а международное регулирование уже не основывается исключительно на выражении суверенной воли.

Тем не менее государства остаются важнейшими субъектами международного права. В конечном счёте, они продолжают оставаться необходимыми для деятельности других двух типов субъектов международного права на международной арене. Для международных организаций государства являются неотъемлемым элементом их институциональной структуры в качестве их членов.⁴⁰ Для отдельных индивидов государства являются инструментально необходимыми в той мере, в какой они представляют интересы управляемых и как таковые официально выступают в качестве их «законных» представителей.⁴¹

В идеале государства поэтому призваны представлять их народы, а именно весь «народ, на их территории без каких-либо различий», как указано в Венской декларации и Программе действий Организации Объединенных Наций, принятой Всемирной конференцией по правам человека в 1993 году.⁴² Трансформация той роли, которые играют государства на международном уровне, в функцию представления народов и отдельных индивидов, в определенной степени отразилась в практике государств, в частности в контексте международного признания новых

³⁹ *Peters, Beyond Human Rights* 2016, 11–34.

⁴⁰ Это справедливо также и в том случае, если членами международной организации частично, или даже полностью являются другие организации, поскольку они в свою очередь образованы государствами.

⁴¹ *Peters, 'Humanity as the A and Ω of Sovereignty'* 2009, 513–544; относительно более широкого концепта см. *Benvenisti, 'Sovereigns as Trustees of Humanity'* 2013, 300.

⁴² *United Nations, World Conference on Human Rights, 'Vienna Declaration and Programme of Action'*, UN Doc. A/CONF. 157/23, 25 June 1993.

государств в Центральной и Восточной Европе в начале 1990-х годов.⁴³ В течение большей части XX века международно-правовое признание государств основывалось на высказанном другими государствами решении, что данное образование удовлетворяет фактическим критериям государственности, к которым относятся территория, народ и эффективное правительство, осуществляющее контроль над этой территорией и народом. Однако, начиная с 1990-х годов, наличие представительного правительства, а также институтов, гарантирующих политическое участие, системы защиты прав человека и прав меньшинств стали для ряда признающих государств важным моментом, когда они объявляли или допускали признание новых государств, включая в недавний период Восточный Тимор (2002), Косово (2008) и Южный Судан (2011).⁴⁴

Роль государства как представителя интересов народов и индивидов в глобальном управлении имеет решающее значение также в контексте участия государства и его членства в международных организациях, включая ОБСЕ. Соответственно первоочередной задачей государств-участников является представительство интересов «управляемых» в процессе принятия решений в Организации. Однако многие правительства не являются подлинными представителями собственного народа или не придерживаются демократической практики. Отсутствие участия групп и отдельных лиц в национальных политических процессах приводит также к недостаточной представленности их интересов на международном уровне. Более того, в принципе интересы управляемых даже в развитых демократиях не всегда могут быть должным образом представлены в международных организациях. Во-первых, отсутствует та цепочка демократической легитимации через механизмы выбора-наказа-отзыва, следующая от граждан через их правительства к представителям и делегатам государства, которые принимают политические решения на различных форумах международных организаций. Во-вторых, некоторые государства занимают лишь относительно слабые позиции в структурах

⁴³ «Условия», предъявляемые к признанию новых государств, имеют по крайней мере фактическое влияние на международно-правовой концепт государства, даже при понимании, что правовой акт признания имеет чисто декларативное значение и не «создает» государства.

⁴⁴ См., например, преамбулу Декларации Европейской Комиссии 'Declaration of Guidelines on Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union', 16 December 1991. Нюансированный анализ и оценку неоднозначной и смешанной практики см. *Peters*, 'Membership in the Global Community' 2011, 180–182; *Peters* 'Dual Democracy' 2011, 276–277. Всесторонний правовой анализ новых тенденций см. *Fabry*, *Recognizing States: International Society and the Establishment of New States Since 1776* 2010; *Vidmar*, *Democratic Statehood in International Law: The Emergence of New States in Post-Cold War Practice* 2013; *Högger*, *The Recognition of States* 2014.

принятия решений организации. В-третьих, процесс принятия решений организациями зачастую является настолько непрозрачным, что трудно осуществлять демократический надзор. И, наконец, действия и бездействие многих международных организаций, как правило, порождают внешние эффекты (военные, экономические или финансовые) для лиц, которые не являются гражданами государств-членов и, следовательно, не представлены ими.⁴⁵

По этим причинам легитимность международной организации не может опираться только на источники легитимности её государств-членов. Следовательно, многоуровневые структуры управления должны базироваться на множественных источниках легитимности.⁴⁶ Наиболее высокие стандарты для международных организаций требуют ученые-международники, которые призывают к двойным демократическим механизмам в структурах «глобального управления».⁴⁷ Эти механизмы, с одной стороны, соотносятся с правительствами внутри национальных государств и, с другой стороны, соотносятся со структурами управления «над» государствами, такими, как международные организации.⁴⁸ Сами международные организации, включая ОБСЕ, всё в большей степени осознают важность включения управляемых в глобальные структуры управления.⁴⁹ Как поясняют *Лоранс Буассон де Шаурн (Laurence Boisson de Chazourmes)* и *Анджей Гадковский (Andrzej Gadkowski)*, ОБСЕ выработала различные формы сотрудничества и партнерства с гражданским обществом, в которых местные структуры, неправительственные организации и другие представители гражданского общества могут участвовать в ограниченной, но разнообразной

⁴⁵ К вопросу об олигархии в международных организациях и их дальнейших недемократических особенностях см. *Peters*, 'Dual Democracy' 2011, 286–289, 291–293; см. также *Stewart*, 'Remedying Disregard in Global Regulatory Governance' 2014, 220; *Benvenisti*, *The Law of Global Governance* 2014, 18.

⁴⁶ По вопросу относительно концепта «легитимности» см. раздел 3.3.

⁴⁷ См., например, *Franck* 'The Emerging Right to Democratic Governance' 1992, 46–91.

⁴⁸ *Peters*, 'Dual Democracy' 2011; for the context of international courts and tribunals, см. также *von Bogdandy/Venzke*, *In wessen Namen?* 2014, 128–136.

⁴⁹ По вопросу относительно участия акторов гражданского общества в работе международных организаций и существующего здесь демократического дефицита см. *Peters*, 'International Organizations and International Law' 2016, 50–52, 56–58; по вопросу об участии гражданского общества в организациях по вопросам международной безопасности, см.; for civil society participation in international security organisations, see *Mayer*, 'Civil Society Participation in International Security Organizations' 2008, 116–139.

деятельности ОБСЕ, как например, охрана окружающей среды, борьба с коррупцией или разоружение.⁵⁰

В рассматриваемом исследовании и интересы управляемых также были определены в контексте привилегий и иммунитетов ОБСЕ, что в принципе может стать препятствием для судебной защиты тех лиц, которые пострадали от противоправного деяния, совершенного Организацией или её персоналом. *Изабель Пингель (Isabelle Pingel)* предлагает найти баланс и уравновесить интересы Организации интересы частных лиц. В частности, она напоминает об обязательстве Организации отказаться от иммунитета при определенных условиях и формулирует важный принцип: «без надлежащего баланса нет справедливости».⁵¹ *Матей Штайнбрюк Платизэ* поддерживает этот вывод, приводя примеры из практики государств и международных организаций, которые все чаще считают, что иммунитеты международных организаций должны дополняться эффективными альтернативными средствами правовой защиты, доступными для потерпевших, в случае отказа национального судьи рассмотреть их дело.⁵² *Лоранс Буассона де Шазурн (Laurence Boisson de Chazournes)* и *Анджей Гадковский (Andrzej Gadkowski)* подчёркивают, что такой подход был также поддержан самой ОБСЕ, в частности, в контексте иммунитета, предоставленных Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово (МООНК), частью которой была миссия ОБСЕ в Косово. В этой связи Консультативная группа ОБСЕ поддержала создание эффективного альтернативного средства правовой защиты против KFOR (СДК — «Силы для Косово») и МООНК, официально заявив, что никто, и в частности МООНК как межправительственный орган, не стоит выше закона.⁵³

⁵⁰ *Boisson de Chazournes/Gadkowski*, 'The External Relations of the OSCE', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁵¹ *Pingel*, 'Privileges and Immunities of the OSCE', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁵² *Steinbrück Platise*, 'Legitimate Governance as a Privilege and Price for Autonomy of International Organisations', опубликовано в рассматриваемом сборнике. См. Также относительно ограничений иммунитета международных организаций, *Peters*, 'International Organizations' 2016, 56; в более общем плане см. *Steinbrück Platise*, 'The Development of the Immunities of International Organizations in Response to Domestic Contestations' 2016, 67–97.

⁵³ *Nowicki/Chinkin/Tulkens*, 'Final Report of the Human Rights Advisory Panel' 2017, 80; the Human Rights Advisory Panel (HRAP) was created by the United Nations, UNMIK, 'Establishment of the Human Rights Advisory Panel to examine alleged violations of human rights by the United Nations Interim Administration in Kosovo (UNMIK)', Regulation No. 2006/12, 23 March 2006, available at: www.unmikonline.org/hrap/Documents%20HRAP/Regulations%20Eng/RE2006_12.pdf.

Поэтому следует приветствовать тот факт, что статья 18 Проекта Конвенции 2007 года предусматривает отказ от иммунитетов, предоставляемых сотрудникам ОБСЕ и другим лицам, выполняющим задачи ОБСЕ. Особо следует отметить статью 18 (3) Проекта, в которой уточняется, что участвующее государство не только имеет право, *но и обязано* отказаться от иммунитета своего представителя, если иммунитет препятствует отправлению правосудия и может быть отменен без ущерба для функционирования ОБСЕ. Подобно другим договорам, устанавливающим иммунитеты международных организаций, статья 20 Проекта Конвенции требует, чтобы ОБСЕ предоставляла альтернативные способы урегулирования споров в ситуациях, когда иммунитет лиц, выполняющих задачи ОБСЕ, не был отменен. К сожалению, Проект не содержит аналогичного положения в отношении иммунитета, который будет предоставлен самой ОБСЕ.⁵⁴

3. Тенденции политизации и регулирования деятельности неформальных субъектов глобального управления

3.1 Миф об аполитичной организации

В отсутствие демократичных способов легитимации или обоснования в качестве источника легитимности международных организаций,⁵⁵ как правило, рассматривалась эффективная реализация крайне сложных и технических задач глобального управления, что в свою очередь опирается на экспертное знание.⁵⁶ Акцент на «технические» функции традиционно

⁵⁴ Относительно отсутствия инструкций и правового регулирования в этой области международного права см. von *Bogdandy/Steinbrück Platise*, 'ARIO and Human Rights Protection' 2012, 67–76.

⁵⁵ Относительно концепции легитимности см. ниже, раздел 3.3.

⁵⁶ *Littoz-Monnet, The Politics of Expertise in International Organizations* 2017; *Venzke, 'International Bureaucracies in a Political Science Perspective – Agency, Authority and International Institutional Law'*, 2008, 1401–1428; относительно доктрины функционализма (в соединении с техническим и аполитическим аспектом

защищал организации от упреков в том, что они могут посягать на государственный суверенитет.⁵⁷

Действительно, экспертные органы организаций освобождены от многих дипломатических ограничений, которые в противном случае оказывают решающее влияние на принятие решений на политическом уровне. Это приводит многих наблюдателей к выводу, что международные организации деполитизируют международное нормативное регулирование.⁵⁸ Эту убежденность демонстрируют различные авторы. *Гельмут Тичи (Helmut Tichy)*, например, описывает диалектические отношения между различными экспертными органами ОБСЕ и представителями участвующих государств, работающими над укреплением правовой базы ОБСЕ. Он подчёркивает, что, хотя эксперты, как представляется, были гораздо более ориентированными на результат, гибкими и готовыми согласовать различные правовые решения, касающиеся правового статуса ОБСЕ, ни одно из предложенных решений пока не прошло успешно дипломатические переговоры.⁵⁹ Продолжая ту же линию и подтверждая имидж международных организаций как аполитичных субъектов, *Лиза Табасси (Lisa Tabassi)* критикует политизированные дебаты, которые блокируют прогресс. Она описывает усилия Секретариата ОБСЕ как «исключительно основанные на серьезной оперативной необходимости защиты должностных лиц и активов ОБСЕ».⁶⁰ Подобно этому, *Нильс Блоккер (Niels Blokker)* и *Рамсес Вессель (Ramses Wessel)* аналогичным образом рассматривают практику ОБСЕ, проводимую Секретариатом ОБСЕ, как происходящую вне пределов или за пределами политики, при этом политика, как представляется, зарезервирована за государственной сферой.⁶¹

функционирования международных организаций), *Peters*, 'International Organizations' 2016, 35–37.

⁵⁷ *Peters/Peter*, 'International Organizations: Between Technocracy and Democracy' 2012, 182–186, 193–196.

⁵⁸ Обзор подобных возражений см. *Petiteville*, 'Do international organizations depoliticize international relations?' 2016, 113–129.

⁵⁹ *Tichy*, 'The Role of the Participating States in Reforming the Legal Framework of the OSCE – Past Developments, Status Quo and Future Ambitions', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁶⁰ *Tabassi*, 'The Role of the Organisation in Asserting Legal Personality: The Position of the OSCE Secretariat on the OSCE Legal Status', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁶¹ *Blokker/Wessels*, 'Revisiting Questions of Organisationhood, Legal Personality and Membership in the OSCE: The Interplay Between Law, Politics and Practice', опубликовано в рассматриваемом сборнике. См. также *Klabbers*, 'What Role for International Organizations in the Promotion of Community Interests?' 2018, 86–100.

Во-вторых, конкурирующая точка зрения на международные организации рассматривает их - особенно те из них, которые работают в таких областях, как глобальная безопасность или экономические вопросы - как контролируемые наиболее могущественными государствами и/или другими сильными экономическими акторами. Согласно этой «политической» точке зрения, институциональная «вуаль» международных организаций просто маскирует лежащую в основе, глубинную динамику власти и политические повестки отдельных определённых государств, которые реализуются в качестве повестки дня самой организации.⁶²

Это тем более справедливо в отношении ОБСЕ, учитывая, что она не была учреждена договором и не имеет признанной международной правосубъектности. Действительно, все руководящие органы ОБСЕ по существу используются в качестве форума для межгосударственных переговоров и силовой политики, в которой великие державы играют ведущую роль. В одной из своих альтернативных концепций ОБСЕ *Лоренцо Гасбарри (Lorenzo Gasbarri)* доводит этот аргумент до крайности и указывает на то, что институциональную вуаль Организации можно полностью игнорировать, если такая вуаль вообще существует.⁶³ Некоторые элементы образа ОБСЕ как чисто политического актора можно найти в исследовании *Тани Бёрзел (Tanja Börzel)* и *Инго Петерса (Ingo Peters)*,⁶⁴ а также *Глеба Богуща*.⁶⁵ Они подчёркивают, что для такого государства, как Россия, не только центральные руководящие органы, но и другие учреждения ОБСЕ, в том числе те, кто претендует на независимость, являются всего лишь политическими инструментами в руках участвующих государств, или, более конкретно, в руках некоторых наиболее могущественных западных государств. С этой точки зрения такие институты ОБСЕ, как БДИПЧ, рассматриваются как учреждения, носящие политический характер, в том смысле, что они оказываются заложниками национальных политических интересов.

В-третьих, существует мнение, что международные организации могут действовать в качестве автономных, самостоятельных субъектов, способных преследовать и осуществлять собственные политические

⁶² *Bernstein/van der Ven*, 'Best practices in global governance' 2017, 534. См. также *Stewart*, 'Remedying Disregard in Global Regulatory Governance'; *Benvenisti*, 'Global Governance' 2014.

⁶³ *Gasbarri*, 'The International Responsibility of the OSCE', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁶⁴ *Börzell. Peters*, 'It's Politics, Stupid', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁶⁵ *Bogush*, 'Domestic Implications of the OSCE's Legal Personality under the Russian Constitutional Law', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

программы и интересы.⁶⁶ В рамках этого концепта термин «политический» используется в широком смысле, так как в данном случае речь не идёт о процессе принятия решений на основе национальных соображений или о субъектах политических процессов на национальном, внутригосударственном уровне. Скорее, принятие решений и/или установление стандартов обозначается понятием «политическое», когда речь идет об общем или публичном благе (например, благополучие и безопасность), распределении государственных ресурсов (например, касающиеся образования или охраны окружающей среды), или приоритетах политики. Всё это требует определённого выбора (в отличие от чисто «автоматических» реакций) относительно соответствующих коллективных действий, институтов и процедур для регулирования социальных условий и общих проблем. Важно отметить, что такого рода «политическая» деятельность может осуществляться на международном уровне, в рамках организаций, точно так же, как и на национальном уровне.⁶⁷ Характеристика ОБСЕ как «политического» актора в этом смысле прослеживается в исследовании *Херман (Olivia Herman)* и *Воутерса (Jan Wouters)*, *Штайнбрюк Платизе, Мозер*, а также *Блоккера* и *Весселя*.

Сосуществование этих трех точек зрения закладывает фундамент и поддерживает сохраняющееся разнообразие предложений относительно того, следует ли и каким образом укреплять правовую базу ОБСЕ. Конкурирующие предложения сохраняются, потому что каждая из трех точек зрения несет в себе некоторую истину, хотя и не всю истину. Многие ученые и эксперты, и особенно имеющие юридическое образование, считают наиболее привлекательной первую точку зрения (аполитичная ОБСЕ). Это позволяет им обсуждать правовое переустройство в рамках права, оторванного от политики, нейтрально оценивать ОБСЕ как источник экспертных знаний, а не как новый центр публичной (политической) власти. Эта точка зрения стимулирует спрос на сдерживание государственных участников в целях реализации задач и интересов Организации, например, с помощью юридического обязательства к лояльности государств-

⁶⁶ Оговорка относительно «автономии» для международных организаций часто используется в качестве символического показателя для «суверенитета». Чем более «автономной», квази-суверенной и «политической» предстаёт организация, тем больше она, как представляется, нуждается в конституциональных ограничениях. См. *Peters*, 'Membership in the Global Community' 2011, 209.

⁶⁷ *Zürn*, 'The Politicization of World Politics and its Effects' 2014, 47–71. Относительно аналогии с международными организациями, как «публичными образованиями» («collectivités publiques») преследующими глобальные публичные интересы, см. *Lagrange*, 'Chapitre 2: La catégorie "Organisation internationale"' 2013, 64, 67.

участников ОБСЕ по отношению к Организации, как предлагает *Седрик Рынгаэрт (Cedric Ryngaert)*.⁶⁸

Первая точка зрения - ОБСЕ как аполитичный актор - также более привлекательна для бюрократического аппарата ОБСЕ, который предпочитает видеть себя в обязанности предоставлять экспертные знания и преследовать общие интересы, а не быть обличенным в преследовании его собственных интересов и преимуществ. В частности, необходимость создания альтернативного средства защиты в качестве *quid pro quo* для предоставления Организации и её персоналу международных привилегий и иммунитетов, о чем говорилось в ряде материалов, представленных в рассматриваемой работе, отсутствует в исследовании *Лизы Табасси*, в котором основное внимание уделяется рискам и проблемам, с которыми сталкиваются сотрудники ОБСЕ.⁶⁹

Вторая точка зрения (ОБСЕ как средство обеспечения национальных интересов), как представляется, пользуется поддержкой специалистов-политологов, а также специалистов в области международных отношений. Эта позиция позволяет им игнорировать правовые последствия предлагаемых реформ ОБСЕ и рассматривать право как инструмент политики, однако не как инструмент, который может сам ограничивать политический выбор. Тем самым дискуссии вокруг укрепления правовой базы ОБСЕ сводятся к силовой политике между США и Россией, или в более широком смысле между западными государствами и Россией и её союзниками, двумя сверхдержавами или альянсами, борющимися за доминирование в Европе. *Бёрзель* и *Петерс*, а также фундированный исторический анализ *Нюнлиста* и *Хаккарайнена* выделяют эту перспективу как решающую для будущего развития ОБСЕ.

Третья точка зрения (ОБСЕ как автономный политический актор) служит основой для направления, представленного более скептически настроенными специалистами-международниками, политологами и правоведами. По мнению его сторонников, укрепление правовой базы ОБСЕ должно обеспечить большую правовую определенность для лиц, пострадавших от актов и действий ОБСЕ, и сделать функционирование Организации более транспарентным, подотчетным и легитимным. Анализ *Мозер*, *Штайнбрюк Платизе*, а также *Херман* и *Уотерс* являются

⁶⁸ *Ryngaert*, 'The OSCE's Legal Status: An Exploration of Relevant International Law Sources', опубликовано в рассматриваемом сборнике; см. также *Russo*, 'Implementation of the Duty of Care by the OSCE' 2018 (готовится к печати).

⁶⁹ *Tabassi*, 'The Role of the Organisation in Asserting Legal Personality: The Position of the OSCE Secretariat on the OSCE Legal Status', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

примером такого подхода, направленного на уточнение правового статуса Организации, прежде всего, в целях регулирования ОБСЕ и/или её деятельности. С этой точки зрения легализация должна осуществляться в интересах тех, кто в значительной степени затронут такой деятельностью, будь то государства или негосударственные акторы, включая отдельных индивидов, а не только (или не только главным образом) в интересах самой ОБСЕ и ее персонала.

3.2 Право под натиском

С точки зрения несовпадающих интересов государств, представителей ОБСЕ, гражданского общества и также частных индивидов, можно констатировать наличие различных линий в понимании некоторых из наиболее основных понятий международного институционального права. И здесь встаёт вопрос о том, учитываются ли и если да, то каким образом интересы различных субъектов учитываются в рамках предлагаемых линий правового понимания в контексте обсуждения реформы ОБСЕ.

Одна линия понимания сосредотачивается на концептуальном определении того, что же представляет собой международная организация как институт. Как отмечается во введении к настоящему исследованию,⁷⁰ доминирующая точка зрения в правовой теории, нашедшая отражение также в коллективной работе Комиссии международного права ООН и Ассоциации международного права, состоит в том, что организация является международной организацией, когда она образована на основании учредительного международного договора или иного документа, регулируемого международным правом, и обладает своей собственной международной правосубъектностью.⁷¹ Представляется неслучайным, что политические усилия по принятию проекта Конвенции 2007 года сопровождались ростом числа голосов, утверждавших, что ни один из двух традиционных элементов (учредительный договор и международная правосубъектность) не являются конститутивными элементами международной организации. Эта точка зрения находит своё проявление в

⁷⁰ Moser/Peters, 'Legal Uncertainty and Indeterminacy – Immutable Characteristics of the OSCE?', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁷¹ United Nations, International Law Commission, 'Draft Articles on the Responsibility of International Organizations', A/66/10, 9 November 2011, art. 2 lit. a.

недавней практике Австрии и Польши, а также секретариата ОБСЕ и находит определенную поддержку на уровне теории.⁷²

Еще одной концепцией, подлежащей анализу, является концепт международной правосубъектности, в частности с точки зрения проблематики её приобретения. Традиционный способ и процедура приобретения международной организацией международной правосубъектности основывается на воле ее членов (так называемая «субъективная теория»). Этот подход нашёл отражение в решении Международного Суда ООН по делу о возмещении за увечья, понесенные на службе Организации Объединенных Наций, в котором Суд опираясь на Устав ООН и Конвенцию о привилегиях и иммунитетах ООН пришёл к выводу о наличии намерения членов Организации Объединенных Наций создать организацию, обладающую международно-правовой правосубъектностью.⁷³ В рамках такого подхода ОБСЕ не может обрести международную правосубъектность, если государствам-участникам не удастся принять в этих целях соответствующий договор.

Однако набирает силу и так называемая «объективная» теория, предполагающая, что приобретение международной организацией международной правосубъектности является не вопросом согласия между членами, а вопросом факта. Это означало бы, что организации приобретают международную правосубъектность *ipso iure*, как только выполняются определенные объективные критерии, требуемые международным правом. Таким образом, признание их международной правосубъектности имеет лишь декларативный характер, а не конститутивное значение.⁷⁴ Эта теоретическая точка зрения, вероятно, несколько опережает право в его нынешнем состоянии. Однако общие международные нормы, как представляется, уже содержат определённую презумпцию в пользу международной правосубъектности стабильных межгосударственных органов.⁷⁵

Объективный подход сводит к минимуму значение заявлений государств при создании международных организаций как субъектов международного права (*international legal persons*, международных юридических лиц) и

⁷² Это, в частности, авторы, которые поддерживают широкое определение международной организации; см., например, *Lagrange*, 'Chapitre 2: La catégorie "Organisation internationale"' 2013, 35–70.

⁷³ ICJ, *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*, Advisory Opinion, ICJ Reports 1949, 174 at 178.

⁷⁴ В прошлом данной концепции придерживались лишь немногие теоретики, как например, *Finn Seyersted*, *Angelo Piero Sereni* и *Manuel Rama-Montaldo*; для сравнения, см. *Portmann*, *Legal Personality in International Law* 2010, 101–102.

⁷⁵ *Klabbers*, 'Presumptive Personality' 1998, 231–253.

одновременно повышает значение реальной практики и функционирования организации на международном уровне. Поэтому неудивительно, что акторы, которые выступают за предоставление международной правосубъектности ОБСЕ и которые разочарованы отсутствием соответствующего договора на этот счет, усиленно продвигают объективную теорию международной правосубъектности. К наиболее заметным сторонникам такого подхода следует отнести Австрию, как особо «дружественное» к организации государство. Как указывает *Гельмут Тичи (Helmut Tichy)*, Австрия рассматривает «признание» международной правосубъектности ОБСЕ как проблему признания уже сложившейся объективной реальности.

Объективный подход в конечном итоге сводится к идее о том, что организация может обрести международную правосубъектность в порядке развития норм обычного международного права, когда ряд государств-участников воспринимают организацию как международное юридическое лицо и признают ее международную правосубъектность путем заключения с ней двусторонних договоров. Этот подход, как представляется, основан на предположении, что при подобной практике государств международная правосубъектность ОБСЕ не должна более основываться на многостороннем договоре, как это первоначально планировалось в проекте Конвенции 2007 года. Достаточной является уже норма обычного международного права, которая будет вытекать из международной практики, как это, очевидно, было реализовано Австрией и Польшей.

Однако, исходя из традиционного понимания, в соответствии с которым норма международного обычного права возникает из общей, последовательной и репрезентативной практики государств, если она подкрепляется *opinio iuris*,⁷⁶ новый подход вызывает, по меньшей мере, два вопроса. Первое касается критерия «общепринятости» практики (*generality of the practice*). Вряд ли можно утверждать о наличии общей практики государств, когда одно из двух важнейших государств-участников ОБСЕ - Россия - оспаривает обретение ОБСЕ международной правосубъектности, ввиду отсутствия соответствующего учредительного договора.

Действительно, отсутствие общей практики государств могло бы также быть одним из оснований, вызывавших озабоченность Австрии, когда она просила Комиссию международного права включить в Проект выводов относительно выявления норм международного обычного права примечание о том, что одно отдельное государство не в состоянии

⁷⁶ См. United Nations, International Law Commission, 'Draft conclusions on identification of Customary International Law', UN Doc. A/71/10), Chapter V: Identification of Customary International Law, Conclusions 2-4.

предотвратить возникновение новой нормы обычного права.⁷⁷ Эта записка поднимает вопрос о том, следует ли России и ее союзников действительно рассматривать как последовательно возражающую сторону (*persistent objectors*) в рамках правового механизма ОБСЕ или же они могли бы сформировать собственную норму обычного международного права.⁷⁸

Другой вопрос касается степени юридической силы такой новой нормы международного обычного права для сторон, последовательно возражающих против нее. Если международная правосубъектность ОБСЕ, а также привилегии и иммунитеты Организации и её персонала не могут быть использованы против последовательно возражающих сторон, предлагаемое решение все равно оставит Организацию и ее сотрудников без необходимого правового статуса и защиты в отдельных странах. Учитывая, что это могут быть как раз те страны, в которых Организация и ее персонал больше всего нуждаются в таком статусе и защите, такое решение не является оптимальным. Соображения, связанные с проблематикой формирования международной правосубъектности через нормы обычного права еще раз подчеркивают важность того, чтобы Организация продолжала оставаться инклюзивной и открытой для антагонистических государств и интересов, с тем, чтобы она могла продолжать служить форумом для диалога, как это было в период холодной войны.

3.3 Заключение: от эффективности к легитимности и обратно

В рассматриваемой здесь монографии исследуются проекты по трансформации правового статуса ОБСЕ из определяемого на уровне национального права в международно-правовой статус. В ней приводятся

⁷⁷ Permanent Mission of Austria to the United Nations, 71st Session of the General Assembly, Sixth Committee, Report of the International Law Commission on the Work of its 68th Session, 25 October 2016; International Law Commission, 68 sess. of 2 May–10 June and 4 July–12 August 2016, (UN Doc. A/71/10), Supplement No. 10, Conclusion 15 together with the commentary. See also *Helmut Tichy*, 'The Role of the Participating States in Reforming the Legal Framework of the OSCE – Past Developments, Status Quo and Future Ambitions', опубликовано в рассматриваемом сборнике.

⁷⁸ Этот вопрос обсуждался также в контексте позиции США как государства, выступавшего в качестве последовательно возражающей стороны против некоторых норм обычного права, отраженных в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву; см., например, *Green*, *The Persistent Objector Rule in International Law* 2016, 266–267.

некоторые эмпирические данные и разъясняются нормативные основы предлагаемых изменений. Монографический проект не ограничивается предложениями, которые до сих пор определялись главным образом политическими соображениями, выдвинутыми государствами, участвующими в ОБСЕ, и которые оказались в настоящее время в тупике.

В действительности же цель книги состоит в том, чтобы открыть эту тему для более широкого научного обсуждения, обосновать необходимые дальнейшие изменения и предоставить полученные результаты более широкой международной аудитории ученых и практиков, политиков и международных чиновников, НПО и других представителей гражданского общества. В конце концов, ОБСЕ превратилась в крупного участника глобального управления в таких жизненно важных для процветания человека областях, как безопасность, экономическое развитие, демократизация, защита окружающей среды и прав человека.

Данное исследование вносит новые и ценные аргументы в дискуссию, где ранее преобладали скорее чисто политические соображения. Но научное обсуждение, как и политическая дискуссия, предлагает самые различные предложения относительно того, следует ли урегулировать правовой статус ОБСЕ и как это лучше сделать. В частности, существует определённый конфликт между аргументами в пользу большей эффективности Организации, с одной стороны, и аргументами в пользу большей легитимности Организации, с другой. Авторы, стремящиеся к повышению эффективности, обеспокоены тем, что укрепление правовой базы ОБСЕ может лишить Организацию выгодной для её деятельности неформальности и гибкости. Напротив, авторы, обеспокоенные проблемами легитимации, выступают за подобные изменения как необходимые для того, чтобы обеспечить Организации большую степень ответственности, подконтрольности и легитимности. Предложения выдвигаются в противоположных направлениях, чем предполагается, что эффективность и легитимность ОБСЕ являются взаимно коллидирующими целями.

Эти проблемы свидетельствуют о убежденности многих ученых и политиков в том, что эффективность и легитимность международных организаций диктуют различные приоритеты, в которых одна цель не может быть достигнута без компромиссов по отношению к другой. Тем не менее имеется достаточно оснований для того, чтобы добиться их

согласования. Более того, как подтверждает данное исследование, эти две цели могут быть взаимодополняющими и взаимоподкрепляющими.⁷⁹

Прежде чем, наконец, заняться вопросом легитимности и эффективности ОБСЕ, здесь необходимо прояснить наше понимание этих двух концепций. «Легитимность» является одновременно эмпирическим и нормативным концептом. «Социальная легитимность» означает признание или принятие заинтересованными индивидуальными субъектами.⁸⁰ Напротив, нормативная легитимность – признание состоятельности и соответствия.⁸¹ В контексте международного и европейского правления, легитимность организации обычно понимается в нормативных терминах.⁸² Здесь встаёт вопрос, чья точка зрения имеет значение, и кто должен считать организацию достойной признания. Всё более широкое распространение находит мнение, что значение имеет не только точка зрения государств, но и негосударственных акторов, включая частных индивидов. С другой стороны, эффективность организации связана с ее фактическими достижениями и результатами при решении конкретных проблем.

Легитимность и эффективность международной организации тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Учреждение, которое не функционирует эффективно, не получит признания и также не будет считаться заслуживающим признания. Поэтому эффективное функционирование ОБСЕ должно быть в центре внимания и тех, кто призывает к созданию более легитимной Организации.

Но с какими аспектами связана эффективность Организации? Размышления, предложенные в рассматриваемом исследовании, показывают, что оценивается как конкретные действия и мероприятия ОБСЕ, так и ее деятельность в целом. Некоторые авторы подчёркивают, что текущая деятельность ОБСЕ и конкретные полевые операции страдают от отсутствия устоявшегося правового статуса, что приводит к менее эффективной работе. Особое значение приобретает вывод, что эффективное функционирование Организации требует, помимо прочего, некоторой степени правовой определенности в условиях и окружении, в

⁷⁹ Относительно взаимосвязи между эффективностью и ответственностью организаций см. *Peters*, 'International Organizations and International Law' 2016, 59; см. также *Daugirdas*, 'Reputation and the Responsibility of International Organizations' 2015, 991.

⁸⁰ *Weber*, *Economy and Society* 1968, 212 et seq.

⁸¹ *Habermas*, *Communication and the Evolution of Society* 1979, 178.

⁸² *Buchanan/Keohane*, 'The Legitimacy of Global Governance Institutions', 2008, 25–62; *von Bogdandy*, 'Globalization and Europe: How to Square Democracy, Globalization, and International Law' 2004, 885–906.

которых организация действует. Если этого нет, как например в случае Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине, Организация не может своевременно и удовлетворительно выполнять возложенные на нее задачи, что чревато потенциальными человеческими жертвами. В этой связи укрепление правового статуса ОБСЕ может способствовать ее эффективности, а не препятствовать ей.

Общее функционирование Организации в целом может оцениваться по-разному. Мерилом здесь является её способность выполнять свою основную миссию, которая заключается в том, чтобы служить форумом для политического диалога между противодействующими друг другу государствами, особенно когда международное сотрудничество через другие международные организации затруднено. Наблюдая нынешний упадок международного сотрудничества между наиболее могущественными государствами, необходимо оценивать достижения ОБСЕ с точки зрения ее способности оставаться инклюзивной, привлекать противоборствующие государства и учитывать их противоположные интересы. Можно сделать вывод о том, что установление международно-правового статуса ОБСЕ только среди близких друг к другу государств при изоляции других стран может в долгосрочной перспективе нанести ущерб эффективному функционированию Организации и тем самым поставить под угрозу и саму её легитимность.

Этот вывод подводит нас ко второй части нашей аргументации, которая основывается на послышке о том, что эффективное функционирование организации не может быть достигнуто без того, чтобы она характеризовалась определенным уровнем легитимности. Комментаторы различают между «легитимностью на входе» или легитимность процедуры (*input legitimacy*) и «легитимностью на выходе» или легитимностью результата (*output legitimacy*).⁸³ Под «легитимностью на входе» понимаются институциональные механизмы, позволяющие осуществлять всеохватывающий, транспарентный и подконтрольный процесс принятия решений, в рамках которого в политическом процессе учитываются интересы, ценности и потребности заинтересованных сторон. С другой стороны, «легитимность на выходе» связана с результатами политики и, как правило, ассоциируется с эффективностью организации, что корреспондирует приведенной выше позиции.⁸⁴

⁸³ *Scharpf*, *Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung* 1970, 21–28.

⁸⁴ Относительно критического анализа различия между легитимностью «на входе» и легитимностью «на выходе» см. *Steffek*, 'The output legitimacy of international organizations and the global public interest' 2015, 263–293.

Заинтересованными сторонами, имеющими отношение к легитимности, в глобальном управлении являются государства и, в конечном счете, индивиды, которые управляются, прямо или косвенно, соответствующей организацией.⁸⁵ Если они не считают деятельность организации достойной признания, они могут не принять её и, таким образом, помешать эффективному выполнению её задач. Члены/участвующие государства особенно значимы здесь и могут препятствовать функционированию организации, ставя под сомнение наличие соответствующих полномочий организации, разрушая процесс принятия решений и отказываясь от осуществления конкретных актов, принятых организацией.⁸⁶ Также и другие органы, организации и учреждения могут препятствовать деятельности организации. Примером может служить оспаривание введенных ООН санкций со стороны Организации американских государств (ОАГ), Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и Суда Европейского Союза (СЕС). Поэтому те, кто стремится к эффективной ОБСЕ, не должны закрывать глаза на стандарты легитимности международных организаций, которые хотя сами по себе и оспариваются, но всё больше понимаются как инклюзивные процессы принятия решений на основе участия, транспарентность, доступ к правосудию и уважение прав человека и верховенства права.

Эти стандарты легитимности подвергаются рассмотрению в частности в исследованиях, посвящённых проблемам глобального конституционализма. ОБСЕ еще далека от «конституционализации» в смысле достижения указанных стандартов. Принятие полноценной «Хартии ОБСЕ»,⁸⁷ как того требовала Россия, можно рассматривать как шаг в этом направлении, поскольку такой учредительный документ был бы одновременно и договором, и конституцией.⁸⁸ Международный Суд ООН описал этот гибридный характер учредительных документов международных организаций следующим образом: «С формальной точки зрения учредительными документами международных организаций являются многосторонние договоры (...). Но учредительными документами

⁸⁵ Peters, 'International Organizations and International Law' 2016, 45–46; см. конкретное исследование примеров из практики в отношении частных лиц *Smrkolj*, 'International Institutions and Individualized Decision-Making' 2010, 165–193.

⁸⁶ По вопросу о невыполнении решений международной организации государствами-членами в случаях нарушения прав человека см *De Schutter*, 'Human Rights and the Rise of International Organisations' 2011, 55–129.

⁸⁷ OSCE, Permanent Council, Draft decision on the charter of the OSCE, PC.DEL/897/07, 18 September 2007, introduced in the Permanent Council on 18 May 2007 (PC.DEL/444/07).

⁸⁸ A. Peters, 'Das Gründungsdokument internationaler Organisationen als Verfassungsvertrag', *Zeitschrift für öffentliches Recht* 68 (2013), 1–57. См. также A. Peters, 'The Constitutionalisation of International Organisations' 2011, 253–285.

международных организаций являются также договоры особого типа, имеющие конвенционный и в то же время институциональный характер».⁸⁹ В дебатах о правовой базе ОБСЕ можно обнаружить оба мотива секторальной конституционализации международных организаций.⁹⁰ Хартия будет выполнять как конститутивную, так и стимулирующую функцию («конституционализм 1,0»), а также функцию ограничения и контроля ОБСЕ («конституционализм 2,0»).⁹¹

Эти аналитические выкладки до сих пор игнорировались высокой политикой в дебатах о том, следует ли укреплять правовую базу ОБСЕ и как это должно происходить. Настоящая монография призвана восполнить этот пробел и тем самым дополнить исследования в области глобального управления, включая проекты по глобальному административному праву,⁹² глобальному конституционализму,⁹³ международной публичной власти⁹⁴ и INT-Law,⁹⁵ в которых содержится призыв к созданию более инклюзивных структур глобального управления и делается попытка связать международных акторов и права человека.

Таким образом, результаты рассматриваемого исследования актуальны и для других неформальных структур управления, в которых государства стремятся вести переговоры вне формальных процедур принятия решений, принимать политические обязательства, предположительно не обременённые какими-либо правовыми требованиями и ограничениями, и выходить из договорённостей, когда они больше не соответствуют внешнеполитическим интересам государства. Действительно, эта модель международного сотрудничества представляется особенно привлекательной сегодня, когда государства должны управлять быстро

⁸⁹ ICJ, *Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict*, Advisory Opinion, ICJ Reports 1996, 66, para. 19. This qualification related to the WHO constitution. On the UN Charter as 'a treaty having *certain special characteristics*' (ICJ, *Certain Expenses of the United Nations (article 17, paragraph 2 of the Charter)*, see advisory opinion of 20 July 1962, ICJ Reports 1962, 151 (157).

⁹⁰ Секторальная конституционализация специализированных международных организаций находится как в русле, так и в некотором противоречии с общей конституционализацией международного права. См. примечание 93 ниже.

⁹¹ Относительно этих мотивов секторальной конституционализации международных организаций см. *Peters*, 'International Organizations' (2016).

⁹² *Kingsbury/Krisch/Stewart*, 'The Emergence of Global Administrative Law' 2005, 15–62; *Cassese*, 'Administrative Law Without the State? The Challenge of Global Regulation' 2005, 663–694.

⁹³ См. *Klabbers/Peters/Ulfstein*, *Constitutionalisation* 2011; *Peters*, 'Global Constitutionalism' 2015; *Peters*, 'Constitutionalisation' 2018, forthcoming.

⁹⁴ *von Bogdandy/Wolfrum/von Bernstorff/Dann/Goldmann*, *The Exercise of Public Authority* 2010.

⁹⁵ *Pauwelyn/Wessel/Wouters*, 'Informal Lawmaking' 2012.

меняющимися и все более разнообразными обществами. Тем не менее, как показывает настоящая монография, отказывать организации в международном правовом существовании в попытке удержать её за рамками международного права только за счёт простого использования соответствующей терминологии («участвующие» государства, «юридически необязательные» решения) не только бесперспективно, но и может в долгосрочной перспективе поставить под угрозу эффективное и легитимное функционирование организации.

4. Библиография

Benvenisti, Eyal, 'Sovereigns as Trustees of Humanity: On the Accountability of States to Foreign Stakeholders', *The American Journal of International Law* 107 (2013), 295–333.

Benvenisti, Eyal, *The Law of Global Governance* (Leiden: Brill 2014).

Bernstein, Steven/Hamish van der Ven, 'Best practices in global governance', *Review of International Studies* 43 (2017), 534–556.

Bogdandy, Armin von, 'Globalization and Europe: How to Square Democracy, Globalization, and International Law', *European Journal of International Law* 15 (2004), 885–906.

Bogdandy, Armin von/Mateja Steinbrück Platise, 'ARIO and Human Rights Protection: Leaving the Individual in the Cold,' *International Organizations Law Review* 9 (2012), 67–76.

Bogdandy, Armin von/Philipp Dann/Matthias Goldmann, 'Developing the Publicness of Public International Law: Towards a Legal Framework for Global Governance Activities', *German Law Journal* 9 (2008), 1375–1400.

Bogdandy, Armin von/Ingo Venzke, *In wessen Namen? Internationale Gerichte in Zeiten globalen Regierens* (Berlin: Suhrkamp Verlag 2014).

Buchanan, Allen/Robert O. Keohane, 'The Legitimacy of Global Governance Institutions,' in Rudiger Wolfrum/Völker Röben (eds), *Legitimacy in International Law* (Berlin: Springer 2008), 25–62.

Cassese, Sabino, 'Administrative Law Without the State? The Challenge of Global Regulation', *New York University Journal of International Law and Politics* 37 (2005), 663–694.

Daugirdas, Kristina, 'Reputation and the Responsibility of International Organizations', *European Journal of International Law* 25 (2015), 991–1018.

De Schutter, Olivier, 'Human Rights and the Rise of International Organisations: The Logic of Sliding Scales in the Law of International Responsibility,' in Eva Brems /Jan Wouters/Pierre Schmitt/Stefaan Smis (eds), *Accountability for Human Rights Violations by International Organizations* (Antwerp: Intersentia 2011), 55–129.

Fabry, Mikulas, *Recognizing States: International Society and the Establishment of New States Since 1776* (Oxford: OUP 2010).

Fassbender, Bardo, *The United Nations Charter as the Constitution of the International Community* (Leiden: Martius Nijhoff 2009).

Franck, Thomas, 'The Emerging Right to Democratic Governance', *The American Journal of International Law* 86 (1992), 46–91.

Goldstein, Judith/Miles Kahler/Robert O. Keohane/Anne-Marie Slaughter, 'Introduction: Legalization and World Politics', *International Organization* 54 (2000), 385–399.

Green, James, *The Persistent Objector Rule in International Law* (Oxford: OUP 2016).

Habermas, Jürgen, *Communication and the Evolution of Society* (Boston: Beacon 1979).

Högger, Daniel, *The Recognition of States: A Study on the Historical Development in Doctrine and*

Practice with a Special Focus on the Requirements (Berlin: LIT Verlag 2014).

Kingsbury, Benedict/Nico Krisch/Richard Stewart, 'The Emergence of Global Administrative Law,' *Law and Contemporary Problems* 68 (2005), 15–62.

Klabbers, Jan, 'Presumptive Personality: The European Union in International Law,' in Martti Koskenniemi (ed.), *International Law Aspects of the European Union* (The Hague: Kluwer Law International 1998), 231–253.

Klabbers, Jan, 'Setting the Scene', in Jan Klabbers/Anne Peters/Geir Ulfstein, *The Constitutionalization of International Law* (Oxford: OUP 2nd ed. 2011), 1–44.

Klabbers, Jan, 'What Role for International Organizations in the Promotion of Community Interests? Reflections on the Ideology of Functionalism', in Eyal Benvenisti/Georg Nolte (eds), *Community Interests Across International Law* (Oxford: OUP 2018).

Klabbers, Jan/Anne Peters/Geir Ulfstein, *The Constitutionalisation of International Law* (Oxford: OUP, 2nd ed. 2011).

Lagrange, Evelyne, 'Chapitre 2: La catégorie "Organisation internationale"', in Evelyne Lagrange/Jean-Marc Sorel (eds), *Droit des Organisations Internationales* (Paris: LGDJ 2013), 35–70.

Littoz-Monnet, Annabelle (ed.), *The Politics of Expertise in International Organizations: How International Bureaucracies Produce and Mobilize Knowledge* (London: Routledge 2017).

Mayer, Peter, 'Civil Society Participation in International Security Organizations: The Cases of NATO and the OSCE,' in Jens Steffek/Claudia Kissling/Patrizia Nanz (eds), *Civil Society Participation in European and Global Governance: A Cure for the Democratic Deficit?* (Hampshire; New York: Palgrave Macmillan 2008), 116–139.

Nowicki, Marek/Christine Chinkin/Francoise Tulkens, 'Final Report of the Human Rights Advisory Panel', *Criminal Law Forum* 28 (2017), 77–97.

Paunov, Dimitar, 'Assessing the Success of the EU–OSCE Cooperation: A Case of Mutualism?', *Security and Human Rights* 24 (2013), 373–391.

Pauwelyn, Joost/Ramses Wessel/Jan Wouters, 'The Exercise of Public Authority Through Informal International Lawmaking: An Accountability Issue?', *Jean Monnet Working Paper* 06/11 (2011), available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2873365&download=yes.

Peters, Anne/Simone Peter, 'International Organizations: Between Technocracy and Democracy', in Bardo Fassbender/Anne Peters (eds), *Oxford Handbook of the History of International Law* (Oxford: OUP 2012), 170–197.

Peters, Anne, 'Constitutionalisation', in Jean d'Aspremont/Sahib Singh (eds), *Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought* (Cheltenham: Edward Elgar 2018), forthcoming.

Peters, Anne, 'Das Gründungsdokument internationaler Organisationen als Verfassungsvertrag', *Zeitschrift für öffentliches Recht* 68 (2013), 1–57.

Peters, Anne, 'The Constitutionalisation of International Organisations', in Neil Walker/Jo Shaw and Stephen Tierney (eds), *Europe's Constitutional Mosaic* (Oxford: Hart 2011), 253–285.

Peters, Anne, 'Dual Democracy', in Jan Klabbers/Anne Peters/Geir Ulfstein, *The Constitutionalisation of International Law* (Oxford: OUP, 2nd ed. 2011), 263–341.

Peters, Anne, 'Humanity as the A and Ω of Sovereignty', *European Journal of International Law* 20 (2009), 513–544.

Peters, Anne, 'International Organizations and International Law', in Jacob Katz Cogan/Ian Hurd/Ian Johnstone (eds), *The Oxford Handbook of International Organizations* (Oxford: OUP 2016), 33–59.

Peters, Anne, 'Membership in the Global Community', in Jan Klabbers/Anne Peters/Geir Ulfstein, *The Constitutionalisation of International Law* (Oxford: OUP, 2nd ed. 2011), 153–262.

Peters, Anne, 'Global Constitutionalism', in Michael T. Gibbons (ed.), *The Encyclopedia of Political Thought* (London: Wiley-Blackwell 2015), 1484–1487.

Peters, Anne, *Beyond Human Rights* (Cambridge: CUP 2016).

Petiteville, Franck, 'Do international organizations depoliticize international relations?', *Gouvernement et action publique* 3 (2016), 113–129.

Portmann, Roland, *Legal Personality in International Law* (Cambridge: CUP 2010).

Russo, Deborah, 'Implementation of the Duty of Care by the OSCE', in Andrea de Guttry/Micaela Frulli/Edoardo Greppi/Chiara Macchi (eds), *The Duty of Care of International Organizations Towards their Civilian Personnel – Legal Obligations and Implementation Challenges* (The Hague: TMC Asser Press 2018).

Scharpf, Fritz, *Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung* (Konstanz: Universitätsverlag 1970).

Smrkolj, Maja, 'International Institutions and Individualized Decision-Making: An Example of UNHCR's Refugee Status Determination', in Armin von Bogdandy, Rüdiger Wolfrum, Jochen von Bernstorff, Philipp Dann, Mathias Goldmann (eds), *The Exercise of Public Authority by International Institutions* (Berlin: Springer 2010), 165–193.

Steffek, Jens, 'The output legitimacy of international organizations and the global public interest', *International Theory* 7 (2015), 263–293.

Steinbrück Platise, Mateja, 'The Development of the Immunities of International Organizations in Response to Domestic Contestations', in Machiko Kanetake/André Nollkaemper (eds), *The Rule of Law at the National and International Levels: Contestations and Deference, Studies in International Law* (Oxford: Hart 2016), 67–97.

Stewart, Richard, 'Remedying Disregard in Global Regulatory Governance: Accountability, Participation, and Responsiveness', *The American Journal of International Law* 108 (2014), 211–270.

Venzke, Ingo, 'International Bureaucracies in a Political Science Perspective – Agency, Authority and International Institutional Law', *German Law Journal* 9 (2008), 1401–1428.

Vidmar, Jure, *Democratic Statehood in International Law: The Emergence of New States in Post- Cold War Practice* (London: Hart 2013).

Weber, Max, *Economy and Society*, edited by Guenther Roth and Claus Wittich (New York: Bedminster Press 1968).

Zürn, Michael, 'The Politicization of World Politics and its Effects: Eight Propositions', *European Political Science Review* 6 (2014), 47–71.24